

An abstract painting with a complex, layered composition. The central focus is a face, rendered in a style reminiscent of cubism or expressionism, with bold, visible brushstrokes. The face is composed of various colors: warm yellows and oranges for the skin, a vibrant blue for the eye, and a mix of reds and pinks for the lips and surrounding areas. The background is a chaotic mix of colors, including deep blues, purples, greens, and greys, all applied with thick, expressive brushwork that creates a sense of movement and depth. The overall effect is one of intense emotional energy and visual complexity.

Роман Днепровский

ЮНОСТЬ ПЛОХИША

О восьмидесятых — без
ностальгии

Роман Днепровский

Юность Плохиша.

О восьмидесятых – без ностальгии

«Издательские решения»

Днепровский Р. В.

Юность Плохиша. О восьмидесятих – без ностальгии /
Р. В. Днепровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933652-1

Новая книга Днепровского — это «глубокое погружение» в семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века, во времена, на которые пришлось детство и школьные годы автора. В рассказах Днепровского читатель не найдёт сентиментальной ностальгии по «прекрасному далёко»; автор не приукрашивает прошлое, рассказывает о нём с иронией и не щадит в своих записках ни своих героев, ни себя.

ISBN 978-5-44-933652-1

© Днепровский Р. В.
© Издательские решения

Содержание

Предупреждение вместо Предисловия	6
ВАС ПРИШЛИ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ПИОНЕРЫ!	8
ОДНАЖДЫ В МОНГОЛИИ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юность Плохиша О восьмидесятах – без ностальгии

Роман Владимирович Днепровский

© Роман Владимирович Днепровский, 2018

ISBN 978-5-4493-3652-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждение вместо Предисловия

Я – из тех, кто в августе 91-го с радостью променял «достижения социализма» и «завоевания октября» на бочку варенья и ящик печенья – по крайней мере, сейчас о нас говорят и пишут именно так. Я – из плохишей. Оговорюсь сразу же: ни бочки варенья, ни ящика печенья мы тогда не получили, да и не в них дело: тогда мы получили самое главное и самое ценное, что есть у человека – личную Свободу; а уж, будучи свободным, можно заработать себе денег не только на варенье-печенье, но и на Hennessy, и на Bentley – конечно же, если ты не совсем уж дурак, и если цель стоит именно такая. Одним словом, позвольте представиться: Плохиш.

Мы не учли одного: того, что за последние сто лет в родном краю кибальчиши не только самовоспроизводятся в геометрической прогрессии, но и приспособились мимикрировать под Буржуинов. Вроде бы, посмотришь – на первый взгляд перед тобой вполне добропорядочный Буржуин, но стоит чуть внимательнее приглядеться к нему – и уже замечаешь на левом отвороте пиджачка небольшое пятнышко: там раньше комсомольский значок красовался. Ну, и душок от них идёт специфический такой, кибальчишеский... Мы, Плохиши, хорошо помним этот душок, и ни с чем его не спутаем.

Сегодня те Кибальчиши, у которых давно уже потеряна совесть, рассказывают другим Кибальчишам, потерявшим память, волшебные сказки о том, как было хорошо жить в Прекрасной Стране, в которой не было ни итанов, ни варенья, ни печенья. Кибальчиши, потерявшие память, слушают эти волшебные сказки, и снова мечтают вернуться в ту Прекрасную Страну, где – ни итанов, ни варенья-печенья, ни Свободы... Да ладно бы, если бы они сами хотели вернуться в своё перманентное Прекрасное Вчера – так ведь они мечтают о том, чтобы силком затащить туда и нас, честных Плохишей. А нам, Плохишам, туда не надо.

– Скажи, дедушка, – спрашивает подросток-хипстер своего древнего восьмидесяти-с-чем-то-летнего деда, – вот когда тебе жилось лучше: в годы тоталитарного советского режима, или сейчас, в эпоху гражданских прав и свободного рынка?...

– Ась? – отвечает древний старик, – ах, вот ты о чём! Ну конечно же, в годы тоталитарного советского режима!

– Дед, но почему? Почему???

– А у меня тогда с потенцией был полный порядок, и все зубы целыми были!

Грустный анекдот... Но я – не его герой; я не путаю понятия «детство» и «политический строй», и если о своих детских годах, о родных и друзьях детства я до сих пор вспоминаю с нежностью, то «прекрасная страна» с её Кибальчишами и кибальчишеской казармой не вызывает у меня никаких тёплых чувств. Собственно, и книжка, которую Вы, Моп Шер читатель, изволили открыть на этой странице – она именно об этом. А по-сему, поспешу предупредить Вас: если Вы предпочитаете волшебную сказку о «прекрасной стране, которую мы потеряли», то закройте эту книжку, поставьте её на полку, или верните продавцу, потребовав назад свои деньги: эта книжка – не для Вас. Перечитайте лучшие Аркадия Гайдара или Николая Островского, не травмируйте себя.

*Всех же остальных я приглашаю совершить небольшую прогулку в недавнее прошлое – в восьмидесятые годы прошлого века – а завершим мы её где-то в самом начале девяностых, идёт? Я познакомлю вас со своими друзьями и родственниками, проведу по квартирам и дворам моего детства, покажу вам крыши и подвалы, которые мы, мальчишки, когда-то открывали для себя; мы прокатимся на велике, заглянем в пару иркутских школ, в которых я в те годы учился, сгоняем ко мне на дачу, и даже в социалистическую Монголию ненадолго скатаемся – одним словом, много интересного будет. Не будет только кибальчишеского плача о «прекрасной стране, которую прос**ли коварные плохиши-демократы». Если готовы, тогда – в путь!*

*С уважением, Роман Днепровский
(он же – Плохиш).*

ВАС ПРИШЛИ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ПИОНЕРЫ!

Мой Маленький Друг!

Когда Дядя Рома был таким же маленьким, как и ты, он тоже занимался благоглупостями, в том числе, и не по своей воле. И если ты, обмудок, прекратишь сосать большой палец левой ноги и сядешь, наконец, спокойно, то Дядя Рома, так уж и быть, расскажет тебе, как он занимался этими благоглупостями не по своей воле. Тогда мы жили в сказочной стране, которая называлась Ссы-Ссы-Ссы-Сэр, которой потом не стало, и тот, кто не жалеет о том, что её не стало, у того нет сердца, а тот, кто жалеет, что её не стало, у того Колорадские Глисты давно скушали мозг. Ты понял меня, да?... Те, кто жалеет, что не стало Ссы-Ссы-Ссы-Сэра, они тоже сосали грязные пальцы, и у них завелись глисты, колорадские... и съели мозг, да... Поэтому, возьми-ка лучше лучше свой стаканчик с виски, положи в него льда – а потом затя- нись ароматной сигариллой, и приготовься слушать...

Итак.

Было это в те времена, когда деревья были большие, очереди за туалетной бумагой – огромные, а производство чугуна и стали на душу населения – просто гигантским. Точнее, в 1979 году. В тот год совсем маленький ещё Дядя Рома, видимо, настолько надоел своим родным и близким своими бесконечными «почему» и «зачем», что те совершили, наверное, самый подлый и гнусный поступок, до которого только могли додуматься: отдали несчастного ребёнка в иркутскую среднеобразовательную школу №11, в первый класс «А».

Нельзя, конечно, сказать, что я был уж совсем не подготовлен к такому повороту событий – разговоры о том, что родные люди могут так поступить со своим ребёнком, начались ещё где-то за год то того, как это случилось; но в то, что такую подлянку могут устроить лично мне, я отказывался верить до самого последнего момента. Однако против Злой Воли Рока не попрёшь, особенно когда тебе всего семь лет, а самые близкие люди вступили против тебя в сговор. Припомнив всё то, что мне прежде приходилось читать и слышать об этом заведении, в назначенный на 1 сентября 1979 года день (*как сейчас помню эту роковую дату!*), я уложил в дорожный ранец всё, что полагалось в него уложить, и отправился навстречу Судьбе.

Проводить меня вызвалась моя добрая матушка, за что я ей был искренне благодарен, хотя и полагал, что этот шаг с её стороны вряд ли можно считать искуплением за то, на что дорогие родные обрекли меня на ближайшее десятилетие. Забегая вперёд, скажу, что очень сожалею о том, что в первый же день родственники не пристегнули мне к поясу наш родовой клинок – пра-прадедовскую чиновничью шпагу благородной золлингеновской стали: будь я с первого же дня при оружии, меня вряд ли удалось бы принудить встать на тот скользкий путь, на котором я, в итоге, оказался, и речь о котором пойдёт ниже. Шпага же пра-прадеда моего ещё полтора десятилетия продолжала пылиться на антресолях, и была вручена мне лишь по окончании мною университетского курса.

Впрочем, не стану отвлекаться, и продолжу это печальное повествование о злосчастных днях детства моего в надежде, что оно послужит предупреждением юношеству, выбирающему житьё и вглядывающемуся в честное зеркало Будущего.

Иркутская школа №11, о которой в городе говорили, что она «элитная», «еврейская» и «с математическим уклоном», встретила меня и таких же, как я, юных бедолаг, запахом говна и мочи. Источником этого зловония был расположенный на первом этаже школьного здания мужской туалет; все годы моей учёбы в иркутской «*элитарной, еврейской, с математическим уклоном*» школе из этого мрачного, похожего на тюремную камеру небольшого помещения исходил тот самый запах; когда же школьная уборщица, кривая на один глаз пьянчужка Тётя Надя выплёскивала прямо на пол мужского туалета ведро с грязной водой, то оставшиеся в ведре тряпки и мусор попадали в сливную трубу, забивали её – и тогда из мужского туалета шёл не только запах, но и изливался поток говна и мочи, которые подтапливали школьный коридор.

У неискущённого читателя может возникнуть справедливый вопрос: почему же школьная уборщица, кривая на один глаз пьянчужка Тётя Надя выливали использованную воду прямо на пол, а предположим, не в унитаз, и не было ли это результатом того, что Тётя Надя была крива и не могла взять правильный прицел? Спешу развеять ваше неведение, господа: дело в том, что вымощенный мраморной плиткой пол в мужском туалете имел наклоны от стен к центру, а в центре располагалось отверстие, от которого под полом шла труба, соединённая со сливом расположенных здесь же унитазов. В прежние времена отверстие это, надо полагать, было прикрыто решёткой – но к тому моменту, к которому относится моё правдивое повествование, решётка эта была уже навсегда утрачена, и отверстие зияло в полу, словно маленькая кальдера. Это-то отверстие и служило для того, чтобы кривые, косые, убогие, увечные, обездоленные и слабоумные школьные уборщицы могли спокойно вылить использованную после мытья полов воду прямо в него, не утруждая себя метким прицеливанием в очко унитаза.

И если уж я упомянул об унитазах, то должен сказать вам, господа, что в мужском туалете этой старинной, с традициями, школы, они имели достаточно незамысловатую конструкцию: то было просто возвышение из кирпича, на верхней поверхности которого располагались в ряд четыре очка, а внутри сооружения проходил общий сливной желоб. В конструкции этой не было никаких колен и запирающих водяных сифонов, препятствующих проникновению запахов из клоаки наружу – этим-то и объясняется, что на первом этаже иркутской *элитно-еврейской-математическим уклоном* школе №11 всегда пахло говном и мочой. Чуть отвлекаясь от темы моего повествования, скажу вам, что унитазы такой конструкции я видел потом всего лишь один раз в жизни: то было в Изоляторе Временного Содержания при Иркутском областном ГУВД. Но к чести сантехников, обслуживающих ИВС главного полицейского управления Восточной Сибири отмечу, что из тамошних туалетов не пахло так, как пахло из туалета той школы, в которой мне предстояло провести десять долгих лет.

Что ещё запомнилось?... Память услужливо подсказывает мне имя моей первой учительницы, Галины Петровны Сосновской – женщины средних лет, невысокого роста и плотного телосложения. Короткая стрижка, квадратное лицо, размазанные – почему-то, голубые – тени под глазами, да бежевый жилет в крупную клетку – вот и всё, что припоминаю; её образ с годами почти стёрся из моей памяти. Вспоминается учительница пения Людмила Кузминична Шишкина – такая же, далеко не первой молодости, дама, более всего походившая на самку гипопотама – как из-за своих внушительных размеров и колоссального двойного подбородка, так и потому ещё, что носила она платья исключительно болотного цвета. Вспоминается ещё и школьная пионервожатая Анна Геннадьевна – высокая и плоская, как стиральная доска, с некрасивым лицом и голосом, всегда одетая в пилотку, очки с сильнейшей диоптрией и какую-то полу-самодельную квази-военную форму песочного цвета, перетянутую самодельной же диагональной портупеей... Анна Геннадьевна, фамилию которой я безнадёжно забыл,

не смотря на то, что в те годы ей не было и тридцати, слыла самой настоящей, фанатичной сталинисткой – редким по тем временам экземпляром Homo Sovieticus. Впрочем, не только мировоззрение, но и эта нелепая «пионервожатская» форма вкупе с очками делали Анну Геннадьевну значительно старше и придавали ей вид ожившего реликта – впрочем, реликта достаточно забавного...

Что же касается всех тех слухов об одиннадцатой школе, что циркулировали в городе, то здесь, мой маленький друг, я вынужден тебя разочаровать: «элитной» школа если и была, то скорее, в мечтах и фантазиях трудившихся в ней педагогов; учеников-евреев в ней было, пожалуй, даже меньше, чем в других школах иркутского Центра – так что, за неимением качественных, кошерных кадров на эту роль одно время номинировали даже и меня. Само собой разумеется, что и разговоры о «математическом уклоне» школы оказались лишь разговорами: если не считать сгнившей внешней стены, за которой на первом этаже школьного здания находился уже упоминавшийся нами мужской туалет, то все остальные стены школы были строго перпендикулярны земной поверхности, и не давали никаких уклонов – ни «математических», ни каких-либо иных.

На свою беду, я оказался весьма способным ребёнком. Способности мои, хоть и были достаточно разносторонними, носили исключительно гуманитарную направленность: вдруг выяснилось, что я неплохо пою, рисую и читаю стихи. Моя первая способность – к пению – привела к тому, что Людмила Кузминична Шишкина решила, было, вовлечь меня в школьный хор. Это давало определённые предпочтения: например, на репетицию школьного хора Людмила Кузминична могла пригласить своих хористов прямо во время уроков. Однако, мой второй талант – к рисованию – начисто перечеркнул первый, и с карьерой школьного хориста мне пришлось расстаться: дело в том, что однажды на уроке пения я очень талантливо изобразил на листе бумаги незабвенную Людмилу Кузминичну в том именно образе, который оживал в моём воображении, едва я бросал взгляд на её объёмы и её болотно-зелёное платье.

Эту скромную, но усердно прорисованную графическую миниатюру позже выкрали у меня мои одноклассники – и я не могу упрекать их за это: напротив, я искренне радуюсь тому, что уже в столь юном возрасте у них была эта неодолимая, заставляющая совершать мелкие преступления, тяга к Высокому Искусству. А вскоре мой маленький шедевр был передан самой Людмиле Кузминичне – это сделали дорогие мои одноклассницы, у которых уже тогда наблюдались недюжинные способности к стукачеству и подхалимажу. Сейчас они трудятся на ответственных постах: одна – в правительстве Иркутской области, а другая – в правительстве Красноярского края, и это – самое красноречивое свидетельство того, что их детские таланты были развиты в нужном направлении и не пропали втуне.

Из всех искусств для основателя сказочной страны под названием «СССР» Владимира Ильича Ленина важнейшим было кино – но на кинопробы меня в те годы так и не пригласили. Из всех моих детских талантов у меня в запасе оставалось ещё умение быстро запоминать и затем читать стихи. Впрочем, это было вполне естественно: взрослый на Байроне, хорошую поэзию я любил с младых ногтей. Эта-то моя способность читать стихи *«не только громко, но и с выражением»* и стала причиной того, что коварные и низкие люди, пользуясь детским моим простодушием, увлекли меня на скользкий путь и сделали из меня чтеца-декламатора. А случилось это так...

Как белые плантаторы Новаго Света приезжают на невольничьи рынки заблаговременно, чтобы без спешки понаблюдать за тем, как с кораблей работорговцев будут разгружать «чёрное

дерево», так и в класс, в котором я учился, стала приходиться какая-то загадочная женщина: она усаживалась на заднюю парту, и молча наблюдала за тем, как на уроке чтения читали мы стихи. Явления этой таинственной незнакомки на наши занятия начались ещё в начале октября 1979 года, и продолжались неделю или чуть больше – а однажды, во время перемены, вместе с первой учительницей моей, незнакомка подошла ко мне и велела собираться и идти с нею во Дворец Пионеров.

С тех пор и начались мои мытарства! – в кануны многочисленных советских праздников и юбилеев (вы ведь помните о том, что в Стране Бесконечных Советов каждый год был Юбилейным Годом?) меня и ещё нескольких несчастных детишек снимали с уроков, и гнали – то во Дворец Пионеров, то в Областной Драматический Театр, то в Театр Музыкальной Комедии, который тогда ещё не носил имени Загурского – и там мы *репетировали*.

Что же означает это таинственное – «*репетировали*»? Сначала нам раздавали бумажки с обрывками неких рифмованных текстов, которые мы должны были заучить наизусть; затем, уже на этих *репетициях*, после того, как какая-то перезрелая девица с огромным бюстом радостно выкрикивала из-за правой кулисы: «*Вас пришли приветствовать пионеры!*», мы должны были в строгом порядке выходить из-за левой кулисы, выстраиваться по ранжиру возле трибуны, и «*произносить слова*» – те самые рифмованные обрывки текста, которые нам накануне велели заучить наизусть. Всё это повторялось по нескольку раз подряд, пока наши взрослые горе-режиссёры не добивались от нас, наконец, некоей синхронности. Затем делался небольшой, минут на пятнадцать-двадцать, перерыв – а потом *репетиция*, или, как её ещё называли, *прогон*, начиналась заново.

Безусловно, самым любимым нашим занятием было гонять по этажам театров во время этих небольших перерывов. Театр – заведение, загадочное само по себе, а в Иркутске оба самых главных театра – Драматический и Театр Музыкальной Комедии – в те годы были расположены в старинных, ещё дореволюционной постройки, зданиях, полных различных тёмных закоулков, каких-то переходов, лестниц, непонятных механизмов. Без ложной скромности могу сказать, что старый иркутский Драмтеатр я, семи-восьмилетний мальчишка, облазил сверху донизу: побывал везде, начиная с хрупких колосников, что расположены на высоте шестиэтажного дома, над сценой, и заканчивая угрюмым, напоминавшим темницу, подвалом под зрительным залом. Добавьте сюда ещё и тот факт, что в театрах был *реквизит* – всевозможные предметы, вроде рыцарских двуручных мечей, латных шлемов и алебард, которые ни за что было не встретить в нашей тогдашней повседневной жизни – и вы поймёте, насколько увлекательно для нас, мальчишек, было шмыгать туда-сюда в этом закулисье! А мебель!... Мебель, которая «играла» в спектаклях – она была ещё *той*, дооктябрьской: бывший директор Иркутского Драматического Театра, незабвенной памяти Иосиф Александрович Волин скупал старинную мебель у иркутян не одно десятилетие... Помню, когда я рассказал об этой чудесной старинной мебели дома, моя бабушка, печально вздохнув, сообщила, что её дядя, навсегда уезжая из Иркутска в Москву в 1958 году, продал в Драмтеатр всю свою обстановку... Для меня это было настоящим шоком: я не мог себе представить – как это?... продать *такую* мебель?... Прошло с тех пор уже почти сорок лет, но я и сейчас не понимаю этого.

Однако ж, вернёмся на наши *репетиции*. Боже, какой графоман-шизофреник, с какого похмелья, после каких ночных оргий писал спросонья те *слова*, которые мы должны были бодро выкрикивать со сцены своими детскими голосами?! Что курил он, садясь за перо? Какие такие вещества принимал вовнутрь?... Почему этот пиит не умер в детстве от полиомиелита или скарлатины, а?... «*Боже!* – вскричал однажды Константин Бальмонт на выступлении Вла-

димира Маяковского перед студентами кулинарного техникума, – *почему я, такой нежный, такой чувствительный к слову, должен слушать всё это?!...»*

Строки эти, вбитые в несчастную мою детскую голову бесконечными повторениями на *репетициях*, вероятно, имеют какую-то антикварную ценность, и я мог бы неплохо продать их тем, кому небезразличны такие раритеты. Но я не стану устраивать торгов – я просто процитирую всё, что сохранила память, здесь – авось, строки эти, наконец, отвяжутся от меня и перестанут преследовать в ночных кошмарах.

Всякое наше выступление на сцене начиналось примерно так:

*Бей, барабан! Трубите сбор, горнисты!
И пусть знамёна алые над залом расцветут!
Любимой нашей партии, Районной конференции коммунистов —
Наш пионерский, пламенный САЛЮТ!!!*

Последнее слово – «салют» – полагалось проорать и провизжать всем вместе. Что мы и делали.

Дальше – больше: на протяжении всего этого *выступления* мы должны были, один за другим, что-то рифмованно прославлять, что-то так же рифмованно осуждать, с детской непосредственностью указывать на *пока ещё существующие у нас отдельные недостатки* – по замыслу тех, кто это всё писал и режиссировал, это должно было смотреться озорно, задорно, и забавно. В памяти всплывает, например, вот такой вот фрагмент наших выступлений:

*...А у вас, швейники, например, Ассортиментный сдвиг допускают!
И строителей тоже винят
Дни рабочие пропускают!*

Самая маленькая девочка, толстая и круглолицая Галя Яковлева на этом месте гневно вступала со своим четверостишием:

*В наших школах таких бы давно
Перед строем дружины поставили!
Разобрались в причинах всего
И работать, как надо заставили!*

На смену маленькой кругленькой Гале приходила красавица-комсомолка Ира Захарян:

*Нам не до шуток: обидно, когда
Рядом взрослый, но он – не пример
Вы – наставники. Мы всегда —*

и тут снова мы все вместе должны были прокричать и проверещать:

С КОММУНИСТОВ БЕРЁМ ПРИМЕР!

Боже, скажи мне, какие такие «швейники»?! Какой, к чертям собачьим, «ассортиментный сдвиг» в восемь лет?!... Нет, скорее всего, сдвиг – и серьёзный сдвиг! имелся в голове у того, кто всё это придумал между третьим стаканом «андроповки» и второй бутылкой «плодово-выгодного»... Господа, скажите честно: вам смешно? радостно?... Ваши лица уже тронули умильные улыбки, когда вы представили маленькую толстую и совершенно круглолицую Гаю Яковлеву, грозящую неведомым *швейникам – ШВЕЙНИКАМ, Карл!* — за этот

их *ассортиментный сдвиг* самыми страшными пионерскими карами?... Тогда читайте дальше: вам станет ещё веселее.

Галя Яковлева была, что называется, *девочкой из простой семьи*: родители её трудились на иркутской слюдяной фабрике, семья жила не то в коммуналке, не то в бараке – одним словом, толстушке Гале было, где послушаться разных интересных словечек. А тут ещё и дрессировавшая нас тётенька-режиссёр постоянно накручивала Яковлеву: мол, слова надо произносить с максимальной экспрессией – *ну, то есть, как будто ты, Галя, ругаешь этих «смежников», будто они прямо перед тобой стоят – а ты на них ругаешься! Можешь даже ногой на них топнуть...*

Настал день выступления – первый день работы не районной, а кажется, даже областной конференции партактива. В президиуме на сцене сидели самоглавные «шишки» во главе с тогдашним Первым секретарём Иркутского обкома КПСС, товарищем Банниковым, который внешне был очень похож на Никиту Сергеевича Хрущёва. После вопля ведущей: *Вас пришли приветствовать пионеры!!!*, мы вышли на сцену, построились так, как нас учили на репетициях, и стали поочередно выкрикивать свои дацзыбао. Наконец, очередь дошла до злополучных *швейников*, которые *ассортиментный сдвиг допускают* – и тут Яковлева, пылая праведным гневом, выдала – *по-простому, по-рабочему* выдала:

*В наших школах такое б говно
Перед строем дружины поставили!... —*

ну, и далее по тексту.

Нет, ну я предупреждал, что дальше будет весело... Предупреждал же... Когда Галя выдала свой грозный монолог, сидевший в президиуме товарищ Банников проснулся. Проснулись и те, кто сидел в зале. На несколько секунд повисла тяжёлая – очень тяжёлая! – пауза, а потом последовала эмоциональная разрядка... И, наконец, когда сидевшие в зале лучшие коммунисты Иркутской области прекратили *издавать звуки*, радостно всхлипывать и жизне-радостно всхрюкивать, черноволосая красавица-комсомолка Ира Захарян сообщила им, что нам-де, не до шуток, и все остальные тут же хором подтвердили, что – да, мы, мол, всегда с коммунистов берём пример...

Конференция за конференцией, выступление за выступлением, юбилей за юбилеем – простодушная Галя Яковлева с тех пор навсегда попала в «чёрные списки» дворца пионеров, и больше не принимала участия в торжественных приветствиях – ну, а мы... Мы продолжали выступать на всевозможных *ответственных мероприятиях*, и глядя со сцены в темноту (ибо, подсвечивавшие нас софиты, установленные на краю сцены, совершенно ослепляли нас, и мы даже не видели, к кому именно летят наши слова) – мы вновь и вновь выкрикивали бодрими детскими голосами:

*В зале сегодня сидят
Разных профессий люди — Иркутских тружеников отряд
Чей путь и тернист, и труден!*

Или:

*Тра-та-та, та-та!
В самый самый, Этот тихий торжественный час
Дорогие женщины-мамы
МЫ ПРИШЛИ ПРИВЕТСТВОВАТЬ ВАС!*

Те, кто сочинял эти *речёвки*, были отчаянными халтурщиками: мало того, что с рифмой у них, зачастую, возникали нелады – так они ещё и перекраивали свои убогие вирши, раз за разом подгоняя их по смыслу к очередному мероприятию. Так, однажды «...*дорогие женщины-мамы*», которых «*мы пришли приветствовать вас*» на Восьмое марта, буквально через месяц, на юбилейном вечере обувной фабрики «Ангара», зазвучали, как:

*...Дорогие мамы-труженицы
Мы пришли приветствовать вас! —*

и нам становилось, как бы, понятно, что в прошлый раз мы поздравляли каких-то мам-лентяек, мам-прогульщиц, мам-нарушительниц трудовой дисциплины – а вот сегодня, наконец, нам предоставили достойный объект для наших поздравлений – *мам-тружениц*...

А ещё в этих *речёвках* сценаристы выбирали за нас такие профессии, о которых мы ни при какой погоде, конечно, не мечтали, но про которые самозабвенно врали со сцены:

*Скажите, стать легко ли
Отличником советской торговли? —*

– вопрошала со сцены всё та же Галя Яковлева (ещё до того, как навсегда выпала из нашего дружного коллектива), лукавым взглядом глядя в зал и никого не видя из-за ослепляющего света рампы – и тут же отвечала сама себе:

*Таких людей сегодня в зале мно-ого!
Я тоже вашей пойду дорогой!*

А шустрый мальчик Дима, фамилия которого также вылетела из моей седой головы, тут же подхватывал интригующим тоном:

*Я ж, скажу вам по секрету, Мастерю давно ракету — И, как только
полечу
Вас до Марса прокачу!*

Про самодельную ракету шустрый мальчик Дима сообщил залу на каком-то осеннем торжественном сборище, приуроченном не то к очередной годовщине *ВОСРы* (великой октябрьской социалистической революции), не то к выпадавшему на 7 октября дню брежневской конституции – одним словом, произносил он этот свой ракетно-космический монолог осенью. А через полгода, весной, нас опять стали снимать с уроков и водить на репетиции: впереди была какая-то очередная партийная конференция, проведение которой подгадывалось не то к дню рождения Лучшего Друга Всех Детей, не то к майским праздникам – и вот, шустрому Димке снова вручили слова про строительство ракеты из подручных материалов. В зале, скорее всего, должны были присутствовать те же самые делегаты, которым Димка ещё по осени вешал на уши лапшу относительно туристического вояжа на Марс – и, видимо, для того, чтобы Димку не уличили в том, что он только обещает, а на самом деле просто тянет резину и никакую ракету не строит, слова ему в самый последний момент немного изменили:

*Обещаю вам, что к лету
Смастерю свою ракету — И, как только полечу
Вас до Марса прокачу! —*

оправдался со сцены за свою ракетостроительную задержку Димка, получив таким образом ещё полтора-два месяца форы.

Перед тем, как в детское стихотворное приветствие вклинивался какой-нибудь музыкально-хореографический эпизод, кто-то из старших пионеров неизменно провозглашал рифмованный кусок вот такого вот содержания:

*Друзья! Сегодня в этом зале
Мы вас за труд благодарим!
Заслуги ваши нам известны: Они заметны всякий раз!
Для вас поются наши песни,
И наша музыка – для вас!*

«А написал все эти стихи какой-то старый пи***ас!» – тихонечко бурчал себе под нос умный и вредный шестиклассник Лёша Теряхин, и с ним трудно было поспорить: действительно, судя по всему, автором этих замечательных нескладух, врезающихся в память, словно нож в сливочное масло, был именно какой-то старый, выживший из ума на фоне хронического алкоголизма, утративший связь с реальностью и потерявший всякую адекватность... ну, этот самый. Но мы не спорили с шестиклассником Теряхиным – мы тихонечко прыскали смехом, радуясь, что нашему другу удалось столь изящно сымпровизировать и превратить этот неудобочитаемый отрывок во что-то, более-менее поэтическое. А торжественная часть *ответственного мероприятия* тем временем, шла своим чередом: музыкально-хореографические малыши, отработав свой номер, уходили со сцены – пора была закругляться и нам, чтецам:

Да здравствует наша родная держава! —

Выкрикивал всё тот же Теряхин,

*Ленину – слава!
Партии – слава!
Народу-творцу,
Народу-борцу!
Народу советскому —*

СЛАВА! СЛАВА! СЛАВА!

– подхватывали мы хором перед тем, как уйти со сцены. Впрочем, находились среди наших старших чтецов такие юмористы-оригиналы, которые в этом общем хоре «*славы-славы-славы*» умудрялись проорать то «*справа!*», то «*Клава!*», то вообще – «*слива!*» Это была их *фига в кармане*: после нескольких часов ожидания за кулисами, после четвертьчасового стояния и поочерёдного выкрикивания в темноту зала этих дебильно-альтруистических четверостиший, всех нас, даже самых-самых прилежных и послушных, просто тянуло устроить какую-нибудь, пусть маленькую, но – гадость. Желательно, такую, которая не будет замечена никем. Но – обязательно, *обязательно* устроить гадость!

До сих пор загадкой для меня остаётся то, почему на все эти торжественные мероприятия нам велено было являться, как минимум, часа за два до нашего выхода на сцену? Как и в первый мой школьный день, моя добрая матушка приводила меня на эти мероприятия: и мы с ней, и другие малыши, задействованные в этих приветствиях, проникали в здания театров через проходную и служебный ход – совсем, как настоящие актёры! – и, едва оказавшись внутри, увлекались встречавшими нас режиссёрами в какое-нибудь помещение, служившее нам гримборной и костюмерной. Там, с помощью наших добрых мам, нас переодевали в какую-то особую пионерскую форму: водружали на головы красные шапочки с кисточками, напоминавшие пилотки (*впоследствии я узнал, что точно такие же шапочки с кисточками носили испанские республиканцы и итальянские фашисты*), на мальчиков надевали ярко-синие кримпленовые брючки, на девочек – такие же юбочки. Очень часто брючки и юбочки оказывались на размер или даже на два больше – и тогда наши мамы, или тётеньки-режиссёры, или ещё кто-нибудь брали в руки булавки, нитки, иголки – и подгоняли прямо на нас пояса брючек и юбочек так,

что снять их впоследствии можно было, лишь распоров наложенный стежок. В помещениях же, где мы ждали своего выхода на сцену, всегда было очень жарко: окна и форточки задраивали наглухо, чтобы *не простудить наших чтецов!* – и нам очень хотелось пить... а попив – естественно, хотелось ещё чего-то – и если девочкам в их юбочках было гораздо легче решить эту маленькую проблему, то мальчикам приходилось терпеть...

А потом кто-нибудь заходил в нашу гримуборную, и страшным шёпотом кричал: *«Чтецы! приготовиться! Пошли на сцену! Скоро уже ваш выход!»* – и мы шли за кулисы. Мы стояли за кулисами, и видели, как за столом президиума дремлет Первый Секретарь Иркутского Обкома КПСС Николай Васильевич Банников... как кто-то из сидящих в Президиуме важных дяденек украдкой стянул с себя лакированные туфли, и теперь сидит и шевелит пальцами, обтянутыми красными – цвета пионерского галстука и пролитой рабочей крови! – носками... Мы видели трибуну – она была всего метрах в двух-трёх от нашей кулисы – и видели стоящего на ней докладчика: вот сейчас он закончит – и грудастая девка из райкома комсомола проверещит, что вас-де, пришли приветствовать пионеры... и мы выйдем на сцену...

Докладчик покинул трибуну, но грудастая девка из райкома комсомола не объявила нас: вместо этого на трибуну вышел другой докладчик... он что-то говорит про каких-то *швейников*, которые опять *ассортиментный сдвиг* допускают... говорит он уже минут двадцать... а мы стоим за кулисами, и у Жени лопнул стежок на поясе юбки, и пояс ей срочно подкалывают булавками... булавка воткнулась в Женину попу, и Женя тихонечко пискнула... а товарищ Банников в президиуме даже не проснулся от её писка... А я хочу писать. Димка тоже хочет писать, но мы с ним терпим – а Сашка... Сашка не утерпел, описался! – и его срочно тащат переодевать кримпленовые пионерские брючки, а потом тащат обратно... Успели! – едва притащили Сашку, как выступавший с трибуны товарищ закончил свою речь, и...

– *Вас пришли приветствовать пионеры!*

По двое, *раз-два, раз-два!* Выстраиваемся перед трибуной: малыши – в передней шеренге, за ними – шестиклассники, третий ряд – старшие пионеры из восьмого класса.

Горнисты поднимают горны, подносят их к губам. Звучит фонограмма: *Тру-ту-ту-ту! Ту-тууу!*

И-и, – па-аехали:

– *Бей, барабан! Трубите сбор, горнисты!*
И пусть знамёна алые над залом расцветут!
Любимой нашей партии, Районной конференции коммунистов —
Наш пионерский, пламенный...
СОЛЬЮТ!!!

Ничего, Димка: через пятнадцать минут сольём. Дотерпим: недолго уже осталось!...

ОДНАЖДЫ В МОНГОЛИИ

Мой маленький друг! Когда пишущий эти строки Дядя Рома был столь же мал, как и ты, он был коварным образом похищен и увезён в ордынские степи. И если ты, обмудок, не прекратишь вертеться, егозить и вынешь, наконец, изо рта большой палец левой ноги, то Дядя Рома, так уж и быть, расскажет тебе об этом. А если не прекратишь дурить, то я позвоню знакому дипломату из Консульства Монголии, и продам тебя ему по сходной цене: он увезёт тебя в Степь, выпотрошит, скормит требуху собакам, а из твоей шкурки сделает бурдюк для тарасуна. А я на вырученные деньги возьму себе ещё парочку склянок Irish Jameson-a.

Ага, испугался маленький засранец! К-куда побежал?!... Ну, ладно, не буду тебя продавать успокойся. Быстро переодевай обмоченные штанишки, располагайся поудобнее, закури-вай, и слушай... Мне можешь тоже налить, да... Стоп! – куда себе до краёв набухал?! Мне не жалко, просто в твои годы виски полагается пить только с тоником. И со льдом, да... Так что, отпей половинку, добавь швепса... Вот молодец! Ну, а теперь – слушай.

Было это в ту пору, когда мы жили в Волшебной Стране, где чудеса были на каждом шагу! Помидоры там были вечнозелёными, кабачки и баклажаны размножались исключительно икрометанием, покупка туалетной бумаги была настоящим Праздником, а все мальчишки этой Волшебной Страны с семи лет обязаны были мечтать стать космонавтами. И представь себе, некоторым это даже удавалось – стать космонавтами! Правда, это так и не помогло им свинтить навсегда из этой страны, в которой даже общественные туалеты были не только бесплатными, но и источали такую Духовность, что злые вороги из числа иностранных туристов лишь диву давались, да падали от той Духовности замертво. Сейчас той Волшебной страны нет: её уничтожили Пиндосы. Позавидовали, понимаешь ли, нашей Духовности, Икромечущим Баклажанам и Сапогам-Скоророходам фабрики «Скорород». Да... Помянем! – ты наливай, наливай...

...Ну, так вот: чудес в этой Расчудесной Стране было столько, что они в ней, попросту, не помещались – и тогда Мудрая Коммунистическая Партия и её Ленинский Центральный Комитет приняли Судьбоносное Решение осчастливить этими самыми чудесами всё человечество, начав с ближайших соседей. В 1920 году попытались осчастливить Польшу, да только ничего не получилось, как не получилось осчастливить и Финляндию в сороковом. Зато, понабравшись в этом деле опыта, Ленинский Центральный Комитет принялся счастливить всех направо и налево, и на Западе, и на Востоке: сначала, в соответствии, с пактом Мелкопомолотого Рибентроппа осчастливил три маленьких балтийских государства, затем, взяв себе в помощники Великого Фюрера Европы, на пару с ним рассчастливили пополам всё ту же Польшу. А уж после 1945 года целых полвека так счастливили Восточную Европу, что там эти годы до сих пор вспоминают со слезами умиления на глазах.

Больше всех повезло братской Монголии: её Мудрый Ленинский Центральный комитет счастливил, начиная с 1921 года – и продолжал счастливить до самого-самого 1991 года! Целых семьдесят лет! В газетах в те годы писали, что, мол, совершила Монголия Большой Скачок: выпрыгнула из феодализма прямо в социализм, минуя стадию капитализма. Это и неудивительно: читал я как-то про одну московскую проститутку, которая выпрыгнула из окна, минуя целых три этажа после того, как клиент предложил «осчастливить» её сексом с двухгодовалым догом. Так что, если жить захочешь, то ещё и ни такой кульбит выкинешь... Ну, да ладно.

Осчастливливание Монголии заключалось, в частности, в том, что в ЦК КПСС придумали, например, переселять кочевников-монголов из их традиционного жилища, войлочных юрт, в многоэтажные панельные дома. По началу, монголы даже и не знали, что с этим «счастьем» делать, но потом нашли выход из положения: стали ставить юрты прямо во дворах многоэтажек, а свои квартиры использовали в качестве источника для пополнения запаса дров. Межкомнатные двери в квартирах деревянные? – деревянные! а полы?... плитусы?... оконные рамы, всякие встроенные шкафчики?... паркет, наконец?... В мае 1981 года я видел всё это собственными глазами в монгольском городе Дархан: стоят посреди степи девятиэтажки с пустыми оконными проёмами, а рядом – юрты, юрты, юрты! А возле юрт – монголы в национальных халатах – «*дыбла*х» – деловито распиливают на дрова дверь, или колют на щепу оконные рамы.

Здесь-то и настало время рассказать о том, с чего это вдруг занесло меня в мае 1981 года в Монголию. В городе Дархане красный Кремль решил построить сверх-современный гвозде-болто-шайбо-шуруп-гайкосторительный завод – естественно, в качестве бескорыстного подарка дорогим монгольским друзьям, которых строительством этого самого завода планировалось осчастливить по самое не хочу. А всё необходимое для строительства этого завода хозяйство – стройматериалы, оборудование, строительная техника и прочие интересные штуковины называлось одним, не очень красивым словом – «ресурсы», и вот за поставку-то этих самых ресурсов в Монголию отвечал мой родной дедушка.

Дед занимал должность заместителя начальника треста «ВостСибГлавСнаб», и среди его должностных обязанностей, было курирование советско-монгольских производственных отношений на уровне Восточно-Сибирского региона. Помню, однажды дедушка пришёл с работы, и пожаловался бабушке: «*Завтра я должен на официальном заседании в обкоме представлять нового монгольского торгпреда. Зовут его Сэрэн Хүёк. Сэрэн – это имя, а остальное – фамилия. Прямо не знаю, что теперь делать...*». Весь вечер дед провёл, как на иголках, но всё закончилось удачно: просто, во время официального представления монгольского дипломата в обкоме, дед избегал называть его по имени и выбирал какие-то нейтральные формулировки: «наш монгольский коллега», «товарищ из Монголии» и тому подобные. После заседания он подошёл к монголу, и начал было, объяснять, почему он был вынужден так поступить, но товарищ Хүёк не дал ему закончить, а рассмеявшись, ответил: «*Дорогой коллега, я ведь пять лет учился в Иркутском институте народного хозяйства, и по русскому языку у меня были хорошие оценки. Я очень хорошо знаю русский язык!...*» – и сам, первый рассмеялся.

Но – не будем отклоняться в сторону. Дед каждый год ездил в командировки в Монголию, решал там, на месте, разные хозяйственные вопросы, по пути фотографировал всевозможные достопримечательности – а по возвращении, проявлял плёнки, печатал фотографии, и потом мы всей семьёй рассматривали фотографии, а он рассказывал нам истории про то, что на этих фотографиях он запечатлел. До сих пор не могу простить себе, что после смерти деда все его фотоальбомы, в том числе, и с видами Монголии, я не вывез с дачи: в августе 2009 года все они сгорели во время пожара. Эх... если бы сгорели *только* альбомы и *только* дача, не было бы так горько и обидно до сих пор...

В 1981 году деду исполнялось шестьдесят – подошёл пенсионный возраст – и его майская командировка в монгольские степи была самой-самой последней. А мне в тот год исполнилось ровно девять лет – а это, как известно, самые подходящие лета для того, чтобы начать пересекать государственные границы и смотреть на мир своими собственными глазами. В самом деле, сколько можно слушать по телевизору рассказы лысого *Путешественника Клубки* в его автор-

ской передаче «Клубкины Путешествия»? – именно к такому выводу пришли мы с дедом, посоветовавшись друг с другом. После чего поставили домочадцев перед фактом: в Монголию мы едем вдвоём, и никакие возражения не принимаются.

Я не буду тратить времени на рассказ о том, как ехали мы в Монголию – я лучше сразу же мысленно перенесусь в столицу Монгольского Государства, Ургу, которая и в то время, да и по сей день называлась и продолжает называться Улаан-Батором. Номер в гостинице стал нашей главной базой, откуда нам с дедом предстояло совершать наши рейды: мне – по монгольской столице, ему – по аймакам и улусам не маленького, в общем-то, государства. Таскать меня с собою по монгольским «дорогам» дедушка не собирался, как не собирался и заставлять меня сидеть рядом на многочасовых заседаниях в монгольском Госплане и в министерствах. Поэтому принимающая сторона нашла выход из положения: чтобы помочь дедушке избавиться от меня, ко мне приставили няньку.

Мою няньку, мою монгольскую Мэри Поппинс, звали Чимид. Она была какая-то... маленькая, полненькая, но при этом очень бойкая и весёлая. Сколько ей было лет? Наверное, лет двадцать с небольшим: не помню точно, была ли она на тот момент ещё студенткой, или только-только закончила Иркутский университет – но училась она в Иркутске, о чём и сообщила мне в самые первые минуты нашего знакомства. По-русски Чимид говорила прекрасно, и поэтому – да и не только поэтому – мы сразу же подружились, и тут же пошли шляться по Улаан-Батору.

Сейчас, когда я вспоминаю эти наши ежедневные прогулки, на душе у меня становится чуточку теплее; мне кажется, что даже город, показавшийся мне сперва каким-то пыльным, унылым и провинциальным, стал уютнее и красочнее, когда рядом со мной оказалась Чимид. Каждый день она приходила в гостиницу утром, ждала меня на рецепшене, или поднималась и тихонечко стучалась к нам в номер – а я уже ждал её! – и мы, наскоро позавтракав в гостиничном буфете, шли на наши прогулки. Я сказал – «наскоро позавтракав», но это не совсем так: дело в том, что в Монголии, даже в 1981 году, было невозможно позавтракать «наскоро», ведь монгольская национальная пища – это мясо, а мясо не терпит спешки. Завтрак состоял обычно из пары *бууз* (это такие огромные пельмени) и большой фарфоровой кружки *цай*. Поначалу я наотрез отказывался пить этот *цай*: ведь мне объяснили, что *цай* – это такой монгольский чай, а в моём представлении чай должен быть: а) красновато-золотистый; б) прозрачный; в) сладкий. Так что, можете представить, сколь велик был у меня разрыв шаблона, когда вместо привычного чая, передо мной поставили кружку, в которой было налито нечто густое, мутно-молочного цвета, с плававшими на поверхности бляшками жира, одновременно и сладкое, и солёное, и чуть островатое, и ещё какое-то на вкус!... Я пришёл в ужас, ещё немного, и я разрыдался бы над этим проклятым *цаем*, но... Чимид нашла выход из положения:

— *Ромоон*, – сказала она (почему-то, у неё моё имя получило такую странную форму), – *цай – это не столько чай, сколько суп. Ты же знаешь, из чего в России заваривают чай?* – я кивнул, а Чимид продолжала: – *Чай – это ведь такие листья, а в Монголии очень любят приправы из листьев и трав. Вы ведь тоже добавляете в суп лавровый лист? Вот и мы добавляем чайный лист в суп в качестве приправы!*

После такого объяснения всё встало на свои места: если *цай* – это не чай, а суп, то всё в порядке! Ведь меня расстроило не столько то, что мне нужно выпить этот странный напиток, сколько то, что напиток этот позиционировался в качестве чая, но совершенно не был на него похож. И только потом, спустя много лет, я узнал, что *цай* – это именно чай, и что именно

такой состав этого напитка, который готовят на ячьем молоке, добавляя в него бараний жир и просяную муку, позволил монголам в своё время победить цингу и костный туберкулёз. Что рецепт *цая* придумали буддистские ламы, что за основу они взяли чай тибетский... Всё это я узнал потом – а в тот день, когда я впервые познакомился с *цаем*, Чимид не только доходчиво объяснила мне, что к чему, но и заказала для меня на десерт бутылку самой настоящей Пепси-Колы! И с тех пор, каждый мой завтрак в буфете гостиницы «Улаан-Батор» завершался неизменной бутылочкой этого буржуазного и идеологически-чуждого напитка, о котором в родном Иркутске я в те годы и мечтать не мог!

Видимо, Чимид работала в каком-нибудь детском секторе монгольской пионерской организации, или в Улаан-Баторском дворце пионеров, который мы посетили на второй или на третий день – а может быть, она просто преподавала русский язык в одной из монгольских школ. Выгуливать меня она являлась ежедневно, как на работу – стало быть, за наши прогулки она получала зарплату, и с этой стороны всё было в порядке. Проблема была в другом: в том, что девятилетнему туристу из Советского Социалистического Союза, коим был я, в столице Монгольской Народной Республики было сильно-то и нечего показывать. Во Дворце пионеров меня почти ничего не заинтересовало: там были какие-то кружки и секции, и меня познакомили с моими монгольскими сверстниками, но они ужасно стеснялись, и энтузиазма по поводу нашего знакомства не выказывали. Да и как нам было с ними общаться, на каком языке? – я не знал монгольского, а они, соответственно, не знали русского... Лишь один мальчик, по виду – юный активист и отличник, улыбаясь, пожал мне по-взрослому руку, произнёс какую-то короткую речь, и, отстегнув от своей школьной формы пионерский значок, протянул его мне. Я ужасно засмутился: ведь нужно же было подарить ему что-то взамен... и я отстегнул со своей куртки и подарил ему свой значок – с Чебурашкой.

В основном, мы с Чимид шлялись по городу – вернее, по его центру, по набережной реки Толы – и болтали. Дважды поднимались на гору Зайсан: на ней расположен мемориал, посвящённый советско-монгольскому военному содружеству в годы Второй Мировой войны, а кроме того, на вершине горы наличествует парк, а со смотровой площадки открывается отличный вид на город.

Каждый день Чимид приносила мне небольшие сувениры: один раз это был целый конверт монгольских почтовых марок, необычайно ярких и красивых, с неизменной надписью кириллицей «МОНГОЛ ШУУДАН» («Почта Монголии»), в другой раз это мог быть значок или переливающаяся, «объёмная» открытка, или набор фломастеров, или блокнот в кожаном переплёте, или ещё какая-нибудь, столь же приятная мелочь. И мне снова было неудобно: ведь я поехал за границу впервые и не догадался взять с собой никаких сувениров (дедушка, между прочим, мог бы и догадаться!) – и, отчаявшись, я предложил Чимид нарисовать для неё картину. Она согласилась, и три вечера подряд я рисовал для неё подарок: на альбомном листе фломастерами я изображал Монголию, какой я представлял её себе – а вернее, беспардонно перерисовывал сюжет с какой-то фотографии. На моей «картине» были изображены юрты и пагоды на фоне зелёной степи, а на первом плане была нарисована бегущая лошадь. Лошадь была немного толстовата, к тому же, как мне сейчас кажется, больше походила на собаку, чем на лошадь – но Чимид подарок понравился... и на следующий день она принесла мне маленькую фигурку лошадки! Эта лошадка была сшита из тонкой коричневой замши, а хвост и грива у неё были из настоящего конского волоса, и даже пахли именно так, как должно пахнуть от настоящей, живой лошади! Где она скачет теперь, замшевая лошадка из моего детства?... И почему всё так глупо получается с подарками, которые хранить бы, и хранить всю жизнь?...

...Однажды, гуляя по Улаан-Батору, мы проходили мимо одного, в высшей степени странного, памятника. О том, *кто именно* торчит здесь, перед входом в Государственную Библиотеку, я – спасибо тогдашнему советскому телевидению! – худо-бедно, но знал. Но я не понимал, с чего вдруг этот исторический персонаж с усами и трубкой стоит здесь, в столице иностранного государства?...

На мой вопрос, почему Он здесь стоит, Чимид засмузилась и ничего толком не смогла ответить. А когда вечером я спросил об этом дедушку, он ответил примерно так:

– А это Монголия демонстрирует независимость от Советского Союза!

Больше дед не сказал ничего, да я и не спрашивал. Уже когда мы вернулись в Иркутск, и в одном из разговоров с родными всплыл этот эпизод, моя бабушка задала деду тот же самый вопрос – но, в отличие от меня, ей дед дал более развёрнутый ответ:

– Простые-то монголы «любят» Усатого не больше, чем мы. Просто, когда у нас «развенчали культ», Чойболсану из Кремля указали: убери, мол. Ну, а он решил характер показать: дескать, мы — суверенная держава, какие памятники хотим, такие и оставляем стоять! Ну, а наши и не настаивали особо...

Говорят, что Усатый достоял в Улаан-Баторе до самого конца девяностых, а потом, будто бы, его выкупили какие-то владельцы ночного клуба, и установили в своём заведении посреди танц-пола – но так это, или нет, я не знаю. Ну, и чёрт с ним.

...Однажды, вернувшись с Чимид после прогулки в гостиницу «Улаан-Батор», мы собирались подняться в наш номер, но тут нас остановила дежурная администраторша. Она начала что-то объяснять Чимид на монгольском, время от времени кивая в мою сторону. Мне стало немного не по себе. Заметив это, Чимид крепко взяла меня за руку, и, присев передо мной на корточки, объяснила ситуацию:

– Ромоон, у них машина сломалась в степи... Дедушка сегодня не приедет. Они ехали из Эрдэнэнта, но у них сломалась машина. Всё в порядке! – воскликнула она, заметив, что я здорово перепугался, — все живы, просто, там нет другой машины, и они будут там ночевать, а завтра за ними пошлют машину, и Гийон-нойон (так она называла моего деда, Геннадия Ивановича) приедет! Но тебе сегодня придётся переночевать в номере одному... Ты ведь не боишься ночевать один?

Нет, конечно же, один в гостиничном номере я ночевать не боялся, дело было в другом. Каждый вечер, после наших с Чимид прогулок по городу, мы с дедушкой болтали – конечно, если он не возился с документами – и я рассказывал ему о том, что видел сам, и о чём мне Чимид рассказывала, и рисовал в альбоме... А сейчас я должен был идти в пустой номер, и сидеть там один, а потом ложиться спать... В номере был цветной телевизор – роскошь для Монголии тех лет! – но вещание было, естественно, на монгольском. И когда я представил себе этот одинокий вечер в гостинице, мне, впервые за всё время нашего пребывания в Монголии, стало так тоскливо, что хоть плачь, хоть на стены кидайся!...

Чимид, кажется, поняла моё состояние, и предложила:

– *Давай мы в холле посидим, поговорим ещё. А потом за мной придет мой жених...* – последнее слово она произнесла как-то по-особому горделиво. Но мне-то какое дело? Жених – значит, жених, у всех девушек бывают женихи, и монголки – не исключение... Просто, хотелось, чтобы этот жених подольше не приезжал за Чимид: ведь, когда он придет, он увезёт её, и я останусь один... А оставаться одному не хотелось.

Жених, как назло, приехал быстро: мы и получаса не просидели на диванчике, как вдруг в распахнутые двери вошёл здоровенный молодой монгол, и, широко улыбаясь, двинулся прямо к нам. Чимид тоже просияла, и, шепнув мне: «*Это Дальяр, мой жених!*», поднялась и направилась к нему навстречу. А когда они подошли друг к другу, этот огромный Дальяр обнял маленькую Чимид, поднял её, и поцеловал! В следующий момент Чимид обернулась ко мне, и позвала:

– *Ромоон! Ромоон-нойон! Иди к нам: я тебя со своим женихом познакомлю!*

Этот большой-пребольшой монгол, этот Дальяр сразу же мне понравился. Он тоже вполне сносно говорил по-русски, он подал мне руку – совсем по-взрослому! – и когда знакомство состоялось, Чимид что-то сказала ему по-монгольски, а Дальяр, выслушав её, на несколько секунд задумался, а потом рассмеялся и обратился ко мне:

— *Ромоон-нойон, я хочу пригласить тебя к себе в гости! Поедем сейчас все вместе в мою юрту, в степь! У меня есть лошади, есть небольшой лошадка — как раз, на твой рост! Поедем ко мне в гости!*

В гости? В юрту?! Вместе с Чимид – да ещё когда тебя так искренне приглашает такой большой и улыбающийся Дальяр?! Да ещё обещает тебе небольшую лошадку, как раз под твой рост? Что я – дурак, что ли, отказываться от такого предложения?! Мне только на две минуты в наш номер подняться, мыло и полотенце с зубной щёткой взять – и я готов!

Через полчаса Дальяр мчал свой «газик» прямо по степи. В Монголии нет дорог в европейском понимании этого слова – там есть направления – и вот мы ехали, подпрыгивая на ухабах, куда-то на Запад, вслед за солнцем, а вокруг была цветущая майская степь, и пахло травами и бензином!

Вскоре мы въехали в какой-то небольшой городок: прямо посреди степи стояли несколько многоэтажных панельных домов, построенных совсем недавно, а вокруг них, словно огромные белые шапки, были разбросаны юрты – много, очень много юрт! Между юртами паслись кони, возле некоторых из них стояли машины – такие же «козлики», как тот, на котором мы ехали с Чимид и Дальяром, и вот здесь-то я и увидел... В самом начале я упоминал о том, что монголы пускают на дрова окна, двери, паркет, и вообще всё-всё деревянное, что есть в их квартирах – так вот, увидел я это всё именно здесь! Я увидел, как двое монголов пилят двуручной пилой совсем новую дверь, которую за минуту до того, они вынесли из подъезда одного из этих красивых новых домов, и потерял дар речи! Но Дальяр, увидев моё изумление, лишь рассмеялся:

— *Русские живут в таких домах — и думают, что и монголы будут в них жить. Вот и построили! А зачем монголу дом из бетона, когда есть юрта? Те, кто живут здесь, имеют в этих домах квартиры, но живут в юртах — а в свои квартиры ходят за дровами — разби-*

рают паркет, оконные блоки, встроенные шкафы, паркет... Зачем монголу паркет, когда есть юрта?...

И вправду – зачем?...

...В стойбище мы приехали, когда уже начинало смеркаться. Пять или шесть юрт стояли рядом, и нас вышли встречать несколько мужчин и одна пожилая монголка – как оказалось после, братья и мать Дальяра. Тут же крутились пастушьи собаки – большие, лохматые и очень серьёзные. Едва мы вышли из машины, как собаки направились к нам; Чимид ещё не успела сказать мне, чтобы я не боялся, что эти собаки – умные и кусаться не будут, как я уже чесал за ухом большую белую собаку, которая была, едва ли, не с меня ростом! А в следующий момент эта собака повалилась передо мной на спину, и подставила живот – те, кто знает собачьи повадки, не дадут соврать: у собак этот жест означает высшую степень доверия. Увидев это, хозяева были преизрядно удивлены, а я уже гладил собаке брюшко, другой рукой продолжая почёсывать ей за ухом. Таким образом, с первых же минут моего пребывания в степном улусе, акции мои взлетели достаточно высоко.

После того, как Дальяр познакомил меня со своей семьёй, нас повели в юрту, где меня усадили на самое почётное место – возле *хоймора* – и, пока Дальяр и его братья о чём-то спрашивали меня, мать Дальяра и Чимид принялись готовить «праздничный стол»: под казаном был разведён огонь, и уже совсем скоро в нём забурлил-закипел ароматный монгольский суп-*бухлер*. Чимид подошла ко мне:

– *Ромоон, ты хочешь чая?* – она подмигнула мне, — *русского чая?*

О, Боже! – ну конечно же, я хотел, очень хотел чая! В гостиничном буфете, где мы каждый день завтракали, мне тоже день на второй или третий стали наливать чай – обычный, тот, к которому я привык, но он почему-то был то ли недостаточно сладкий, то ли слишком крепкий – одним словом, мне он совершенно не нравился. Ну, а Чимид я уже доверял настолько, что был уверен: уж если она предлагает мне чай, то значит, это будет именно такой чай, к которому я привык дома – как иначе-то? И тогда Чимид, повернувшись к своему жениху, что-то сказала по-монгольски, а Дальяр, повернувшись ко мне, вновь разулыбался, и сказал:

– *Пойдём, Ромоон-нойон! Посмотрим, как в Монголии делают русский чай!*

Мы вышли из юрты. Рядом с ней стоял... да-да! – самый настоящий угольный самовар – по-моему, ещё царский. Дальяр, Чимид и все остальные глядели на меня с улыбкой: они думали, что увидев самовар, я буду удивлён. Не тут-то было! – у нас на даче был точно такой же самовар, и для меня этот агрегат был настолько естественным, что я не мог даже и представить себе, из чего же ещё здесь, на природе, можно пить чай, как не из самовара? И я вновь удивил своих хозяев, спросив их, где же они берут шишки для растопки, и где же у них «самоварный сапог»? – дело в том, что на нашей даче самовар топили шишками, собирать которые в лесу было раз и навсегда поручено мне – ну, а старым кирзовым сапогом, словно мехами, мой дедушка всегда этот самовар «раскочегаривал». Всё это я тут же рассказал и Дальяру, и Чимид, и всем этим симпатичным дядькам-монголам, чем, кажется, окончательно покори́л их.

Застолье, которое последовало затем, было устроено в честь приезда домой Дальяра – но все вели себя так, что мне казалось, будто бы всё происходящее – и в мою честь тоже. Как я уже сказал, меня посадили на почётное место возле *хоймора* (это такой шкафчик, похо-

жий на маленький буфет, который ставится строго у северной стены юрты, напротив входа, и в котором у монголов и бурят располагается *мандала* – фигурки буддистских святых, чаши с подношениями и благовониями). Один за другим, братья Дальяра вставали, держа в руках стаканы с архи – монгольской водкой – и произносили речи, в которых непременно упоминался «*Ромоон-нойон*» – а Чимид переводила мне их приветствия.

Почему эти монголы так серьёзно отнеслись к появлению в их стойбище такого мало-значительного гостя, как я? Может быть, потому, что я был внуком своего дедушки-начальника?... Я думал об этом, пока, спустя уже несколько дней мой дед, которому я обо всём этом рассказывал, не объяснил мне, что я и прав, и одновременно неправ в своих догадках. Да, конечно же, дедушка – начальник, *нойон*, это серьёзно... но дело не столько в том, что мой дедушка — *нойон*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.